

«Звезды сияют, и самая яркая среди них — Писарев» («Ричмонд Ньюс Лид», США), «его блистательные воздушные взлеты и дьявольски отважные приземления вызвали в зрительном зале потрясение» («Гзет», Канада), «этот первоклассный танцовщик заслужил самые громкие овации» («Роки маунтин Ньюс», США)... Восторженными эпитетами награждает мировая пресса сегодняшнего гостя нашей 13-й страницы. Это солист Донецкого русского академического театра оперы и балета, народный артист СССР, лауреат всесоюзного и международных конкурсов 26-летний Вадим Яковлевич ПИСАРЕВ, которого музыкальное общество признало «лучшим танцовщиком 1990-го года».

Гостя расспросил
Вадим ВЕРНИК.
Сфотографировал
Виктор АХЛОМОВ.

— Говорят, билет на спектакль с твоим участием в Донецке продается в кассе за десять рублей (при обычной цене в два пятидесята), и все равно каждый раз — аншлаги. Вот уж поистине любовь зрителей дорого стоит...

— Ну, как мне не радоваться, если в кассах города за несколько дней до моего спектакля не остается ни единого билета? Зато начинал я с тринадцати человек в зале. Но тогда вообще была плохая посещаемость. Впервые выступил в «Князе Игоре», соло в Половецких плясках. Делал в быстром темпе необычные пируэты, «кольцо», ногами голову доставал. Когда закончил танец, те тринадцать зрителей, что были в зале, аплодировали стоя.

— Может быть, я ошибусь, но, кажется, о донецком балете заговорили всерьез, лишь когда ты стал там солистом. Как ты попал в донецкую труппу?

— В Донецке я родился. Отец был комбайнером на шахте. Трагически погиб. Мама до пенсии работала на заводе. Музыкальные пристрастия у меня от деда, который прекрасно пел, мог пуститься в пляс, сам выучился играть на балалайке и гармоне. Танцевать я начал с шести лет — во Дворце пионеров, затем в ансамбле «Зарница». Старшая сестра занималась в хореографической школе, вот и потянула за собой. В девять лет я, по настоянию донецких педагогов, поехал в Киев поступать в хореографическое училище. Как выяснилось на экза-

на одной премьеры — только вводы. Как с этим у тебя?

— Уже станцевал несколько премьер. Когда мне было девятнадцать, Шумейкин ставил «Спартак», причем партию Красса сочинял в расчете на меня. Конечно, я перечитал Джованьоли, посмотрел фильм «Спартак» с Лоренсом Оливье в роли Красса, стремился хоть в некоторой степени ощутить атмосферу того времени. Я сыграл Красса юного, своего сверстника, но то был трагический герой, в нем сочетались жажда жизни, стремление к подвигам — и мощная разрушительная сила. Знаешь, у меня не было двух одинаковых спектаклей; в «Спартаке» я много импровизировал, придумывая финал по ходу действия.

— Естественно, я танцую и лирику. В «Франческа да Римини» — поочередно две контрастные роли: Паоло (сугубо лирический персонаж) и Джотто (герой-злодей и мученик). Ближе мне Джотто, образ объемнее, больше материала для «актерства». Но до сих пор не решаюсь станцевать Зигфрида в «Лебедином»: не вижу себя в «розовой» партии. Зато с наслаждением выступил в киевском «Лебедином» как злой гений Ротбарт.

— Ну, а есть роль, которая тебе ближе всего?

— Альберт в «Жизели».

— Вот уж лиричнейший из всех известных персонажей!

— В Альберте лиризм сочетается с подлинной драматичностью

Вадим Писарев

танца (в физическом плане спектакль выстроен так, что в финале актер, танцующий Альберта, как и Альберт-персонаж, буквально лишается сил). В «Жизели», кроме трогательности, одухотворенности, важна потрясающая, возвышающая идея: Жизель спасает Альберта от смерти, хотя он ей изменил. «Люби ближнего, как самого себя»...

— Народные пляски в репертуаре солиста классического балета — редкость. А ты в концертах часто исполняешь «Гопак». Почему?

— Люблю необычные прыжки. Всегда увлекался трюками. Они расширяют горизонты классического танца. Он становится сложнее, требует виртуозности.

— Есть в балете нечто такое, что тебе не под силу?

— Если поработать, исполнить можно все. Бывает, что роль получается не сразу, например, Фигаро. Руководитель ленинградского театра «Современный балет» Борис Эйфман пригласил меня танцевать в «Безумном дне» по Бомарше специально для гастролей в Париже. Он не сомневался (сам потом мне говорил), что образ Фигаро я схвачу «на лету», поскольку в жизни не чужд юмору. Но передать юмор и гротеск в балете, да еще так, чтобы в зале был смех... Лишь станцевав Фигаро несколько раз, я овладел ролью в полной мере.

— Имя танцору подчас создает победа на конкурсе. У тебя богатый конкурсный урожай. А каким был первый твой конкурс?

— Республиканский, артистов балета, где участвовали ведущие мастера театров Украины. Мне не было восемнадцати, я не имел права выступать в старшей группе (20—25 лет). Но, уверенный в себе, подав заявление просмотровой комиссии, и она разрешила, хотя были голоса и против. В результате — золотая медаль (между прочим, танцевал я под номером 13). Прошло полгода, и я вышел на всесоюзный конкурс, впервые на московскую сцену, — золотая медаль. Затем поехал на международный конкурс в Хельсинки (готовился к нему, как и к последующим состязаниям, с педагогом Большого театра Владимиром Никоновым), там в марте 1984-го получил серебряную медаль. На международном конкурсе в Париже был третьим... Неудача в Париже меня удручила. Но иной раз поражение полезнее победы. Предстоял международный конкурс в Москве в 1985-м. И мне удалось показать класс в сложнейших прыжках — кабриоль, па де баск. Победил и вновь поверил в себя.

Ну а про то, как выиграл международный конкурс в Джексоне (штат Миссисипи), можно написать новеллу. В 1986-м советских танцоров туда пригласили впервые, и все трое одержали победы (Нина Ананашвили и Андрис Лиела получили Гран-при за дуэт, я — золотую медаль за сольное выступление).

За четыре дня до вылета в Америку я поскользнулся на репетиции и сломал руку. Массажист Большого театра, где я тренировался, начал лечить мне руку, думая, что это вывих, и усугубил травму, создав в кисти два костяных осколка. Меня отправили в Институт травматологии и ортопедии, чтобы выяснить,

можно ли мне лететь в таком состоянии на конкурс. Три с лишним часа простоял в очереди к врачу-специалисту ЦИТО. Ехать мне разрешили, но в гипсе! Получил там указания, как вести себя чуть ли не в каждый следующий час. Жутко нервничал — ведь готовился три месяца... Полетел в Америку с одной балетной сумочкой.

В Джексоне мне сняли гипс, заставили написать заявление в пяти экземплярах: мол, это мое собственное желание и я никого потом не обвиню. Рука привыкла к трехкилограммовому грузу, и без гипса меня все время заносило — не мог вращаться, прыгать. Совершенно не спал. Репетировал и днем, и по ночам в холле гостиницы, чтобы тело привыкло. На жеребьевке вытянул, к счастью, последний, 86-й номер, получив в запас несколько дней...

Знаешь, в прошлом году я снова ездил в Джексон (открывал конкурс в качестве почетного гостя), и мне там показали мой гипс и балетные туфли — под стеклом в госпитальном музее.

— Выходит, риск тебе по душе. — Но лишь в том случае, если не по мелочам. Стараюсь избегать конфликтов, не тратить нервы попусту. Любой вопрос можно решить спокойно, мирным путем.

— Столько выступлений за рубежом, гастролы, концерты! В родном Донецке, наверно, забыли, как выглядит Писарев...

— Да, работаю без отпусков. И не только за рубежом, но и на родине — от Москвы и Казани до Челябинска и Еревана. К тому же у нас говорят: два дня без репетиций равны неделе простоя. В Донецке театр на ремонте, выступаем в помещении Дворца культуры. Подписан контракт на осенний тур — три месяца в США и Канаде.

Конечно, надо бы чаще появляться дома. Там меня ждут пятилетний сын, мама, бабушка. Слава Богу, с женой, Инной, расстаемся редко: она тоже балерина. Недавно получили приглашение парижской «Гранд-опера» участвовать в концертной программе «Гиганты мирового балета».

— Что ждет наших зрителей?

— В Москве — премьера «Пиковой дамы» (музыка Россини и Шнитке). Хореограф Алла Сигалова ставит по мотивам пушкинской повести спектакль со своей «Независимой труппой». Меня она пригласила сыграть... Пиковую даму, возникшую в воображении Германа. Партия чрезвычайно многоплановая: резкая и жестокая женщина, в которой есть дьявольское начало, и в то же время сарказм, кокетство, острая характерность. По жанру — соединяет балет с драмой. Режиссер — Юрий Борисов, текст от автора читает Олег Иванович Борисов. И у меня по роли есть реплики. Хореография — авангардная, мне в новинку.

— Наша повседневность, сложности быта — как они отражаются на настроении?

— Куда от них денешься. От многого меня ограждают домашние. Возвращаясь домой опустошенный, без сил, хочется помолчать...

— Понятно, жизнь всецело принадлежит балету. Но существуют огромные проблемы, которыми живет сегодня страна. Они не могут не затрагивать даже самого счастливого в творчестве артиста...

— У меня есть концертный номер на музыку Альбини, «Познание». Образ Человека, который хочет вырваться из мрака, но силы тьмы (фигуры в железных масках) тянут его обратно... Мне кажется, это действо в какой-то мере отражает нашу действительность. Много, что происходит в стране, отнюдь не радует. Вместе со всеми переживаю наши трудности. Тревожит, что многие добрые начинания не могут развиваться, пробиться. Приклеиваются ярлыки, идет поиск врагов... Впервые обретая свободу слова и творчества, мы шарахаемся из крайности в крайность, оставаясь яростными максималистами...

А заветная моя мечта — сделать спектакль, посвященный Андрею Рублеву. Его творчество очень мне близко. Хотел бы средствами пластики раскрыть характер гениального художника, передать чистоту его духа. Это должен быть грандиозный спектакль. Рублев заслуживает масштабного полотна. Переговоры о возможности такой постановки веду с фирмой «Моцарт» при Министерстве культуры СССР. Есть надежда привлечь к этому Альфреда Гарриевича Шнитке, Бориса Эйфмана, художника Давида Боровского. Я бы очень хотел, чтобы спектакль об Андрее Рублеве хоть в какой-то мере помог людям осознать свои ошибки и грехи, звал бы к добру и свету.